

8

ЯРУС

Кл $\frac{79}{176}$

Лукьяновскій. А

СКАЗАНІЕ О ТОМЪ,

КАКЪ ПОСТРОЕНА ЦЕРКОВЬ

СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ТРИФОНА

ВЪ МОСКВѢ.

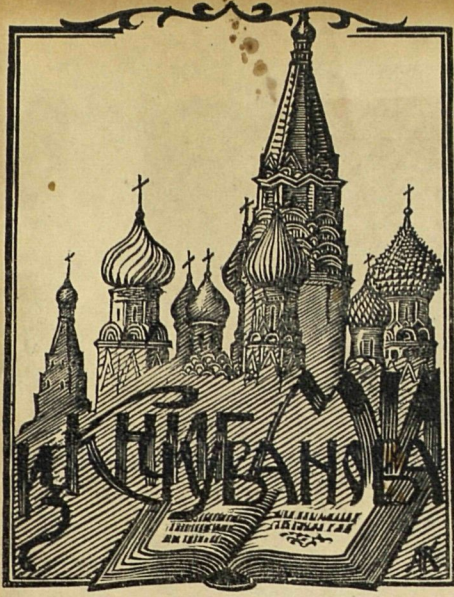
Б Ы Л И Н А

ПРО ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНАГО

ДА ПРО КНЯЗЯ ТРИФОНА ПАТРИКЪЕВА.

МОСКВА.

1887

206217

БЫЛИНА

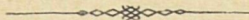
ПРО ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНАГО

ДА ПРО КНЯЗЯ

ТРИФОНА ПАТРИКЪЕВА.

— *трифон* —

Сказаніе о томъ какъ построена церковь Св. Велико-
мученика Трифона въ Москвѣ.

М о с к в а .

Типогр. Л. и А. Снегиревыхъ. Остож. Савел. пер., соб. домъ.

1887 г.

Дозволено цензурою. Москва 30 марта 1887 г.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

6761-03

Распашу-ли я родимыя поля,
Борозду взмечу глубокую.
Уроди мнѣ мать — кормилица — земля,
Уроди мнѣ рожь высокую.
Я-ль ту рожь на нивушкѣ сберу,
Съ поля снопики повыволочу.
На гумно свезу все жито ко двору,
А по осени все вымолочу.
Затрещали полны хлѣба закрома —
Таково-ль то сердцу радостно....
Ты иди — лети студеная зима,
Намъ встрѣчать тебя не тягостно.
Наберу-ль я мѣру полную зерна,
Золотистаго и гладкаго.
Накую-ль я зелена себѣ вина,
Хмѣльной бражки, пива сладкаго.
Созову-ли я сосѣдушекъ — гостей,
Старыхъ бабушекъ и дѣдушекъ,
Добрыхъ молодцевъ и знаемыхъ людей,
И молодушекъ, и дѣвушекъ,

Чару меду, пива-браги два корца
На здоровье гости кушаютъ;
И былину, отъ начала до конца,
Про старинку молча слушаютъ.

I.

Ахъ вы, гусельки, гусли звонкія,
Золоченыя струны тонкія!
Я настрою-ль васъ по—уныльному,
Запою-ли я по—умильному
Про то времячко, про досѣлешне,
Про досѣлешне, не теперешне!
Заиграю-ли на веселый ладъ,
Стану-ль сказывать на потѣшный складъ
Все-жь не сказочку—прибауточку,
И не выдумку, и не шуточку,
Заведу опять про старинушку,
Про исконную про былинушку!

* * *

Закатилось красно солнышко
Да за горушки, за высокія,
Да за рѣченьки, за глубокія,
За моря-ли тѣ, за далекія;
Унималися вѣтры буйные,

На лѣса—поля росы падали;
И по небу-ли, небу синему,
Словно оченьки темной ноченьки,
Божьи свѣчечки загорались,
Часты звѣздочки разсаждалися.
Въ слободѣ-ли той, Александровской,
Во дворцѣ златомъ, государевомъ,
Во стекольчатой свѣтлой горницѣ,
Весель пиръ идетъ, столованьице —
И пируетъ-то самъ царь-батюшка,
Государь Иванъ свѣтъ Васильевичъ,
Со князьями все, да съ боярами,
Со своею-ли со опричниной;
А и было то во полуночи,
Государевъ столъ во полустолѣ,
Самъ царь-батюшка во полусыта,
Гости царскіе во полупьяна,
Какъ вскричитъ—велитъ Грозный царь-Иванъ
На всю гриденку *), на столовую:
„Гей вы, слуги-ль вы, слуги вѣрные,
Вы-ль прислѣшники неизмѣнные!
Перестаньте вы пить и бражничать,
Замолчите вы, да прислушайтесь!“
И отъ голосу, крику царскаго,
Отъ словесъ-ли тѣхъ, государевыхъ,

*) Гридня—столовая комната.

Всѣ застольники спохватилися,
Всѣ опричники отрезвились;
А князья-ли всѣ, со боярами,
Въ мать—сыру — землю поклонилися.
Усмѣхнулся тутъ Грозный—батюшка,
На боярскія спины гляючи;
На остерьъ костыль опираючись,
И бородушку ручкой гладючи,
Молвилъ, ласково ослабляючись:
„Много думы мной передумано,
Много дѣла мной передѣлано...
Всѣ измѣнники переведены,
Всѣ крамолы ихъ съ корнемъ вырваны!
Порадѣли вы, слуги добрые,
Поспѣшаючи и умѣючи;
Послужили мнѣ вѣрой — правдою,
Животовъ своихъ не жалѣючи;
А за то же я—васъ и балую!
А за то же я—васъ и жалую!...
Заберу васъ всѣхъ послѣ завтрава
На забавушку на любимую,
На охоту-ли соколиную!
Вздумалъ сокола выбрать новаго,
А сокольника вспомнилъ стараго—
На Москву пошлю за бояриномъ,
За Петрушкою Тимоѣевымъ!
А теперь же вы, слуги вѣрные

Знайте мѣру честь—поднимайтесь,
Завтра къ утренѣ собирайтесь!“
И вставали тутъ гости царскіе,
Тѣ-ль опричники разудалые,
Тѣ князья-ли все со боярами;
До земли Царю поклонилися,
Изъ дворца сейчасъ расходилися.

II.

Ты Москва-ль Москва, православная,
Златоверхая, златоглавая!
Далеко Москва разбросалася
И вокругъ Кремля разметалася.
На тебя-ль, Москва, люди дивятся,
На твои-ль кресты люди молятся!
Ты-ли, матушка, русскій стольный градъ!
Ты-ль, родимая—сердце русское!

* * * .

Безъ числа у Царя воеводъ и князей,
И бояръ, и дворянъ, и крещеныхъ людей;
Безъ числа на Москвѣ площадей и торговъ,
И палатъ, и хоромъ, и посадскихъ дворовъ;
И повсюду, въ Кремль, и въ далекихъ кон-
цахъ,

Что ни шагъ, что ни пядь, на торгахъ, площадахъ —
Иль обитель, иль храмъ, иль часовня стоитъ,
Золоченый на нихъ крестъ звѣздою горитъ.

* * *

Надъ Москвою-рѣкой, на крутомъ берегу,
Во зеленыхъ садахъ, на широкомъ двору,
Высоки терема, да хоромы стоятъ,
Всѣ сосѣди на нихъ, какъ на чудо, глядятъ.
Нижни клѣти хоромъ — широки, велики,
Чуть не въ небо ушли наверху чердаки ¹⁾,
Въ серединномъ жильѣ повалуши ²⁾ подрядъ,
Красны окна ³⁾ стекломъ во свѣтлицахъ блестятъ;

И стѣной, вокругъ двора, отъ тесовыхъ воротъ,
На версту побѣжалъ деревянный заплоть ⁴⁾.
А и чьи-жь то хоромы великія?
А и чьи-жь терема то высокіе?

¹⁾ Чердаками въ боярскихъ хоромыхъ назывались верхнія жилия помѣщенія на лѣто.

²⁾ Повалушами въ боярскихъ хоромыхъ назывались свѣтлыя горницы.

³⁾ Красными окнами назывались окна со стеклянными рамами, въ отличіе отъ волоковыхъ оконъ, которыя задвигались доской—волокомъ.

⁴⁾ Заплоть—заборъ.

То широко подворье хозяйское,
То гнѣздо родовое боярское,
Именитаго роду боярина,
Богача-ли Петра Тимоѣева.
А и доля-жь боярину выпала,
И судьба-жь задалася счастливая!...
Онъ и честнаго роду стариннаго,
И казною богатъ, и помѣстьями;
Не оставленъ и царскою милостью,
Быль когда-то въ чести государевой,
Быль любимымъ онъ царскимъ сокольничимъ.

* * *

Что-жь?... и ту-ли усадьбу богатую,
И казну золотую несчетную,
И помѣстья—угодья привольныя —
Все отдасть за едино сокровище,
За свое ненаглядное дѣтище,
За красавицу—дочку Парашеньку.

* * *

На Руси красота не въ диковину,
Красота—лѣпота ненаглядная!...
Да на небѣ изъ тысячи звѣздочекъ
Все-жь одна изо всѣхъ получистѣе—

И въ Москвѣ изъ красавицъ боярышень
Свѣтъ Парашенька всѣхъ распрекраснѣ!

* * *

Личико круглое—снѣгу-ли бѣлаго,
Оченьки карія—звѣздочки свѣтлыя,
Щеченьки алыя—зоренька ясная,
Косыньки русыя—золото красное!
Статью—походкою—бѣла лебедушка,
Рѣчью—повадочкой—сиза голубушка,
Доброму молодцу—боль да хворобушка,
Сужену—ряжену—сладка зазнобушка!

III.

То не вѣточка отломилася,
То не яблочко откатилося,
Отдѣлилася, удалилася,
Красна дѣвица шла въ замужество;
Подъ златой вѣнецъ становилася,
Съ милымъ суженымъ, да въ супружество.

* * *

Всхоже солнышко клонить къ западу,
Ясный бѣлый день меркнетъ къ вечеру,
А почестень пирь сходитьъ къ веселу;

То-ль весельице, столованьице,
Та-ль бесѣдушка, гостеваньице,
Тотъ-ли пиръ горой—честна свадебка.
Веселитесь тутъ, тѣшитъ душеньку,
Весь-ли стольный градъ, вся-ли улица
У хозяина тароватаго,
Хлѣбосольнаго и богатаго,
У боярина Тимоѣева.
Ужь и свѣтель онъ, ужь и радошень,
Ужь во всю-ли онъ весель моченьку!...
Вотъ дождался онъ что на старости
Даль Господь ему счастья радости,
Выдаетъ онъ теперь милу доченьку,
Ненаглядную свѣтъ Парашеньку,
Да за князя-ли родовитаго,
Богатѣя-ли именитаго,
За того-ль млада добра молодца,
Да за Трифона Патрикѣва.
И гуляють тутъ, угощаются,
Третій день-деньской потѣшаются
Гости званые, люди добрые:
Тутъ и бабушки, стары дѣдушки,
Добры-ль молодцы, тѣ-ль хоробрые,
И молодушки, красны дѣвушки,
И подросточки, малы дѣтушки;
Тутъ и старъ, и малъ, тутъ и званъ—не званъ,
Третьи сѣточки весель, сытъ и пьянь...

И шумить-гремять тотъ почестенъ пиръ,
Какъ на цѣлый-ли, на крещеный мѣръ.

* * *

То не голуби встрепенулися,
Черна ворона примѣчаючи;
То не сизые всколыхнулися,
Отъ когтей его улетаючи;
Испугалися, ужаснулися,
Въ смѣхѣ—говорѣ позапнулися,
Средь бесѣдушки, гостеваньица,
Той-ли свадебки пированьица,
Развеселые гости званые.
Да и есть чего ужасаться имъ!
Да и есть чего опасаться имъ!..
Вотъ нагрянули, какъ изъ тучи громъ,
Становилися среди хоромъ,
Гости страшные и неожиданные —
Тѣ-ль опричники и кромѣшники,
Слуги царскіе и приспѣшники!..
Клобуковъ своихъ не снимаючи,
Предъ иконами не молилися;
На хозяина поглядаючи,
Громкимъ голосомъ объявилися:
„Говоримъ тебѣ слово царское,
Приказаніе государское!

Вышла честь тебѣ, Тимоѳееву,
Какъ допрежь сего, быть въ сокольничихъ!
Часу лишняго не теряючи,
Завтра-жь утречкомъ выѣзжать тебѣ!
Службу старую вспоминаючи,
И охоту всю обряжать тебѣ!“
И повѣдавши государевъ сказъ,
Повернулися, какъ стояли, вразъ,
Изъ хоромъ уйти торопилися:
А бояринъ Петръ за такую честь,
Да и старъ, и малъ, на цареву вѣсть,
Вслѣдъ низехонько поклонилися.

* * *

„Люди добрые, гости званые,
Други-сродники богоданные,
Не на радость мнѣ та царева вѣсть!...
Не по силамъ мнѣ эту службу снести!
А и былъ-же я, други милые,
Былъ когда-то я лихъ-охотничекъ!
Въ годы крѣпкіе и служилые,
Былъ и вправду я смѣль-сокольничекъ!
А теперь-же мнѣ, сами знаете,
Чуть не сто годовъ безъ одинаго!..
Боль лѣта мои посчитаете —
Не до лету мнѣ соколинаго!
Охъ, не даромъ-же зло мерещится,

И сердечушко бьетъ—трепещится!...
Не Малюта-ли, тотъ Скуратовъ—песъ,
Предъ царемъ меня клеветой обнесъ?—
Такъ бояринъ—Петръ запечалился,
Предъ грозой—бѣдой затуманился.
„Государь ты мой, тесть и батюшка!—
Низко кланяясь молвилъ зятюшка,
„Не кручинься ты, мой родимый свѣтъ!
Какъ встаю-ли я завтра съ зорюшкой,
И охотою, вольной волюшкой,
Самъ поѣду-ль я за тебя въ отвѣтъ!
Исполняячи волю царскую,
Справлю службу ту государскую!“

IV.

Охъ ты, гой-еси, сыръ дремучій боръ!
Что ты хмуришься тучей черною,
Что пугаешь ты чащей темною!
Словно море ты пораскинулся,
Безъ конца ты вдаль пораздвинулся!
Окружилъ Москву съ четырехъ концовъ,
Обложилъ ее съ четырехъ вѣтровъ!

* * *

На восточной-ли на сторонущкѣ,
На концѣ-ль краю неба синяго,

Зорька алая занимается,
Яркимъ полымемъ загорается;
Вотъ на встрѣчу-ли красну солнышку,
По горамъ-доламъ, по лѣсамъ-полямъ
Сизъ-туманъ ползеть, завивается,
Бѣлымъ облачкомъ поднимается.
Встало солнышко, встало красное,
Зачинается утро ясное;
Въ золотой дали завиднѣлися,
Засинѣлися горъ макушечки;
И въ лѣсу-ли томъ, во сыромъ бору,
Зачернѣлися всѣ верхушечки;
На лужаечкахъ, на муравушкѣ,
Росны капельки засвѣтились;
И цвѣточки всѣ, тѣ-ль лазоревы,
Задымилися, закурилися;
Словно крадучись, вѣтерокъ пахнулъ,
Встрепенулся лѣсъ, какъ живой, вздохнулъ,
Птицы въ гнѣздышкахъ просыпалися,
Звѣри въ логовахъ поднималися...
Здравствуй, бѣлый день!.. тихъ и ясенъ ты!..
Ахъ ты, Божій міръ!... распрекрасенъ ты!

* * *

Чу!.. какъ стонъ пошелъ по лѣсной глуши!..
Раннимъ утречкомъ, по зарѣ-ль тиши,
Молвь людская та гулко вдаль идетъ,

Конскій топъ-ли тотъ словно въ ухо бьетъ;
Ближе—громче все гомонъ носится,
На просторъ и ширь рвется—просится!
Позаслышавши говоръ, шумъ и стукъ,
Притаилися, прикорнули вдругъ,
Смолкли пташечки полетучія,
Стихли звѣри все порыскучіе;
А лѣсной большакъ, грузенъ-толстъ медвѣдь,
Словно мѣхъ сопитъ, озирается,
Въ темно логово пробирается.

* * *

Кто-жь встревожилъ-то сыръ-дремучій боръ,
Птиць, звѣрей лѣсныхъ разгоняючи?
Кто шумить-гремить съ экихъ раннихъ поръ,
Чашу тѣсную раздвигаючи?
Кто-жь смутилъ-взбудилъ гробовую тишь?..
Выѣзжаетъ-то на охоту, слышь,
На забавушку на любимую,
На ловитву-ли соколиную,
Самъ великій царь, Грозный царь-Иванъ,
Государь Иванъ, свѣтъ Васильевичъ!

* * *

Вотъ мелькаючи во сыромъ бору,
Собираются, обряжаются,

На поляночку соѣзжаются,
Все молодчики да охотнички,
Государевы все-ль сокольнички.
А и молодцы-жь, тѣ-ль хоробрые,
Красовитые, разудалые!
А и кони-жь ихъ, кони добрые,
Неустанные и ѣзжалые!
Какъ на коникахъ сѣдла царскія,
Чепраки на нихъ все черкасскіе,
Узорьями поразшиваны,
Златомъ-серебромъ пообвиваны!
Узды шелковы да плетеныя,
А поводья къ нимъ все ременные!
А и шапочки-жь на сокольничкахъ —
Все бобровыя, соболиныя.
И кафтанчики-жь на молодчикахъ —
Красны бархатны, полы длинныя,
Рукавички-ль тѣ — все сукмянныя;
А сапожки-ль тѣ — все сафьянныя:
У сапогъ задки — все-ли пестрые,
Передки-носки — шиломъ вострые;
Вкругъ носка-носка — хоть яйцомъ кати!
Подъ пята-пята — воробей лети!
На рукахъ у всѣхъ — по клейменому,
По соколику обученному.

* * *

Впереди-ли всѣхъ, поспѣшаючи,
На соколика погладаючи,
Добрый молодець, удалецъ лихой,
Словно сказочный богатырь какой
Ѣдетъ, тѣшится и красуется,
Всякъ на молодца залюбуется!
Кто-жь ѣздохъ-ли тотъ?.. поглядите вы...
Коль признаете, назовите вы...
Э!.. на свѣтѣ всемъ лишь и былъ одинъ —
Тимоѣева вѣрный зять и сынъ!..
Патрикѣевъ—князь!... самый онъ и есть!..
Соизволилъ царь гнѣвъ на милость свести -
Избавляючи тестя-батюшку,
Взялъ сокольничимъ князя зятюшку.

* * *

Вотъ и самъ-же онъ, Грозный царь—Иванъ,
Ласковъ, милостивъ выѣзжалъ теперь...
А за нимъ слѣдомъ ненасытный звѣрь,
Государевъ песъ, душегубъ-палачъ,
Лихъ Малюта тотъ, поспѣшаетъ вскачь;
Вотъ и Вяземскій, съ бабьей рожею,
Безбородою и пригожею;
Вотъ князья-ли тѣ басурманскіе,
И Казанскіе, и Ногайскіе...

И за всѣми вслѣдъ, не зѣваючи,
Рѣзвыхъ кониковъ подбодряючи,
Тѣ-ль отборные рынды *) царскіе!

* * *

Подѣзжаетъ Царь—говоръ-шумъ затихъ...
Вотъ орломъ на всѣхъ государь взглянулъ,
Патрикѣеву рукавомъ махнулъ —
И не медля тутъ, во единый мигъ,
Зачинается та-ль охотушка,
Князю Трифону зла заботушка.

* * *

Ходитъ солнышко, свѣтитъ поверху,
Дологъ лѣтній день близить къ полудню,
А соколики все гоняются,
Ловлей-травлею забавляются.

* * *

Ой вы, бѣлые гуси, лебеди,
Ой вы, сѣрыя кряквы-утицы!
Ой вы, пташечки перелетныя,
Поцѣвуньи-ль вы беззаботныя!
Какъ для царской-ли для забавушки
Много соколовъ заготовлено...

*) Рынды—тѣлохранители.

Ой, безъ счету-жь васъ, птички бѣдныя,
Поизведено, переловлено!
Обученые и умѣлые,
Рвутъ васъ кречеты настагаючи...
Ой, сгубили-жь васъ стаи цѣлыя,
Изымаючи и терзаючи!

* * *

Свѣтель, радостенъ князь — сокольничій...
Честью-милостью царь пожаловаль —
Словомъ ласковымъ, слышь, побаловаль
За урядъ его за охотничій.
Грозный—батюшка ослабляется,
И не хмурится, и не лаётся,
Знать понравилась та занятная,
И веселая, и удатная,
Та потѣха-ли разлюбимая,
Та охота-ли соколиная...
Вдругъ нежданно тутъ и негаданно
Машеть крыльями, надъ самимъ Царемъ,
Цапля сѣрая, голенастая,
Длинноногая и носастая!
Какъ ужаленный государь вскипѣль!..
Вверхъ на цаплю ту поглядаючи,
Перелетъ ея примѣчаючи,
Князю-Трифону закричалъ—велѣль
Рѣзвымъ соколомъ изловить ее,

Бѣлымъ кречетомъ затравить ее...
И не смолкъ еще государевъ сказъ
Какъ стрѣла съ лука зашипѣла вразъ,
То расправивши крылья крѣпкія,
Соколь спущенный въ небо ринулся;
Наловчивши клювъ, когти цѣпкіе,
Внизъ на цаплю ту сверху кинулся.
А и цапля-жь та—птица хитрая!
Чуть лиху-бѣду запримѣтила,
Спохватилася, встрепенулася,
Клювомъ къ соколу повернулася—
Какъ гвоздемъ его снизу встрѣтила;
Какъ ни цѣлится, ни кидается—
Все на шило онъ натывается!..
Что, соколишъ—братъ, разлюбезный другъ!
Нѣтъ, не утица знать убогая,
Цапля сильная, длинноногая!..
Вотъ еще, еще... да пришлось не въ мочь...
Соколь мучится, утомляется...
Весь исколотый улетаеть прочь,
По подблачью вдаль скрывается.

* * *

Какъ не туча то надвигалася,
Ясный бѣлый день потемняючи;
То не молнія загоралася
Въ суховерхій дубъ ударяючи:

Распалился—то и разгнѣвался,
Расходился—то Грозный царь Иванъ!..
Зажигалися очи черныя,
Словно молнія опаляючи;
Раздавались рѣчи гнѣвныя,
Словно громъ въ грозу оглушаючи;
Ой-же, Грозный ты государь и царь!
Ты-ль сердечушко неотходчиво,
Неуемчиво и разгорчиво!
Ужь и страшень-же твой могутный крикъ!
Ужь не сношень-же твой гнѣвливый ликъ!..
Тутъ виновные, тутъ и правые,
Слуги вѣрныя и лукавыя —
Испугаются, позамечутся!
Какъ на вѣткѣ листь затрепещутся!
Тутъ и глушыя, тутъ и умныя,
И бояре всѣ, люди думныя,
И князья-ли всѣ со дворянами,
Смерды-холопы со крестьянами,
Другъ за дружкою всѣ туляются,
Ко сырой землѣ приклоняются!
Охъ ты, гой еси, Грозный-батюшка!
И чего-же ты расходился такъ?
На кого-же ты распалился такъ?

* * *

Разъярился-то, чуть не билъ, кричалъ,
Разказнить грозилъ, лютовалъ--серчалъ

Царь на зятюшку Тимоѳева,
На князь — Трифона Патрикѳева;
Есть вина его и премногая —
Сѣра цапля та, длинноногая!..
Не умѣль вишь онъ ни сравить ее,
Ни словить ее, ни убить ее.
Да и та-ль вина въ поль-бѣды бѣда!..
Охъ ты, горюшко!.. охъ, печаль—страда!
Охъ и что-же князь за сокольникъ!..
Знать и вправду онъ плохъ-охотничекъ,
Коль и сокола обученаго,
Отъ Царя ему порученаго,
Неумѣючи упустилъ при всѣхъ!..
Вотъ вина его!.. вотъ гдѣ стыдъ и грѣхъ!

* * *

Охъ и злое-жь то прегрѣшеніе!
И печаль-же то до кровавыхъ слезъ!
Чуть головушку государь не снесъ,
И послѣднее далъ рѣшеніе:
„Коль на третій день, Патрикѳевъ тотъ,
Да соколика, бѣглеца, найдетъ,
Такъ куда ни шло—живу быть ему!..
А не сыщеть онъ—и не жить ему!
У Малюты-ли наостренный мечъ
Буйну голову разомъ сниметъ съ плечъ!

V.

Высота-ль высота—неба синяго!
Глубота-ль глубота—моря темнаго!
Широта-ль широта—свѣту бѣлаго!
Долгота-ль долгота—Божьей милости!

* * *

Охъ, и горюшко-жь, гореваньице!
Охъ, разлютое-жь злостраданьице!...
А и въ горѣ жить - некручинну быть,
Некручинну быть, и бѣду избыть!
И кого-жь, бѣда, не крушила ты?
И кого-жь, печаль, не сушила ты?

* * *

Патрикѣевъ князь надрывается,
Богу молится и старается:
Какъ поскачетъ онъ по горамъ-доламъ,
По горамъ-ли тѣмъ, по высокіимъ;
Какъ поѣдетъ онъ по лѣсамъ-полямъ,
По полямъ-ли тѣмъ, по широкіимъ;
То за соколомъ всюду рыщетъ онъ,
Бѣла речета всюду ищетъ онъ!

* * *

Страшно грозное слово царское,
Слово крѣпкое, государское!
И тяжка-же ты, смерть насильная,

Казнь позорная, темь могильная!...
„И не думалъ-же, не гадалъ-же я,
Злой сѣдѣбы такой и не ждалъ-же я!..
Во честномъ бою, за Царя, за Русь
Не пугаетъ смерть!.. умирай, не трусь!
А теперь-же что?... словно смердъ какой!...
Словно холопу—голова долой!
Родъ мой, племячко, обезчестится!...“
И затрясся князь... стонетъ, крестится.
„А жена-жь моя!... счастье—люббушка!
Ненаглядная, свѣтъ—голубушка!
Не на радость-же полюбилъ тебя!...
И любилъ—люблю, и умру любя!
А и матушка-жь, разнесчастная!...
Жизнь-душа моя, зорька ясная!
А и тестюшка-жь, богоданный мой!...
Ты не жди меня!... не вернись домой!..—
Воздыхаючи и крестясь-молясь,
Дальше-дальше все поспѣшаетъ князь.

* * *

Первы суточки, словно мигъ, прошли...
Какъ во всю-ль во всю силу-крыть и мочь
Скачетъ Трифонъ-князь, ѣздитъ день и ночь!
Рыщетъ-ищетъ онъ, и не ѣстъ, не пьетъ,
Въ страхъ-трепетъ горьки слезы леть:
„Стой-же, времячко, погоди-же ты!

Стой-же, быстрое, не лети-же ты!...
Ой, соколикъ мой, отзовися ты!
Любъ-желанный мой, объявися ты!“
Да лиха-бѣда не стоить, не ждетъ,
И за мигомъ мигъ, какъ вода течеть...
Меркнетъ въ очушкахъ ясный бѣлый свѣтъ,
А соколига и въ поминѣ нѣтъ!

* * *

Скачетъ-ѣздитъ князь—утомляется;
Рѣзвый конь его спотыкается:
Цѣлы суточки проносилъ его,
И ни ѣсть, ни пить не просилъ его.
„Охъ ты, гой еси, добрый конь лихой,
Неизмѣнный-ли другъ-товарищъ мой!
Разсѣдлаю-ль я, разнуздаю-ль я,
И на волюшку отпущу тебя!
Ты бѣги-лети, поспѣшай домой!...
Скажешь любушкѣ, скажешь матушкѣ,
Скажешь милому тестю-батюшкѣ,
Чтобъ не плакали, не тужили-бы,
Чтобъ собралися да по зятюшкѣ
Панихиду хоть отслужили-бы!...
Ужь и быть-же мнѣ разказенному,
Какъ злодѣю быть погребенному!“

* * *

Отпустилъ коня и пѣшой идетъ
За пропажей князь озираючись;

Отощаль, усталъ, еле живъ бредеть,
Словно нищенка побирающись;
И ослабъ совсѣмъ, и сморился онъ,
И стенаючи такъ взмолился онъ:
„Поле-полюшко, ты-ль широкое!
Небо-небушко, ты-ль высокое!
Рѣчки-рѣченьки потекучія,
Свѣтлы ключики погремучіе!
Красно солнышко, вѣтры буйные,
Ой вы-жь, грозные, вихри бурные!...
Не видали-ль вы?... не слышали-ль вы?...
Гдѣ-жь соколикъ мой?... не знавали-ль вы?“
Поле чистое вдаль раскинулось,
Небо ясное ввысь раздвинулось,
Быстры рѣченьки въ берегахъ шумять,
Свѣтлы ключики по горамъ гремятъ,
Красно солнышко съ облаковъ глядитъ,
Вихорь-вѣтеръ тотъ лишь одинъ гудитъ:
„Не видали мы!... не слышали мы!...
Гдѣ соколикъ твой, не знавали мы!“
Хоть зови-моли цѣлый бѣлый свѣтъ“ —
Ни отвѣту нѣтъ, ни привѣту нѣтъ!

* * *

Потухаетъ день, ясный бѣлый день,
И вечерняя залегаетъ тѣнь...
Какъ второй-ли ужъ день кончается,
Ночь послѣдняя зачинается!

Завтра утречкомъ чуть забрежитъ свѣтъ,
Долженъ Трифонъ князь ко царю идти;
Бѣла кречета изловить—нести,
А соколика и въ поминѣ нѣтъ!
Нѣту сокола!.. нѣтъ и моченьки!..
Гаснуть свѣтлыя, меркнуть оченьки...
Рѣзвы ноженьки подломилися,
Сильны рученьки опустилися.
Ноетъ-падаетъ грудь высокая,
Давитъ-жметъ ее грусть глубокая!..
Вѣдь послѣдній день смерть и казнь несетъ...
Охъ, сердечушко!... какъ змѣя сосетъ!

* * *

Потухаетъ день... жизнь кончается!
Горемычный князь ужасается...
Страшный часъ пришелъ!... смертный часъ
насталъ!...

И предъ Господомъ и Спасителемъ,
Предъ архангеломъ и хранителемъ,
Съ воплемъ крѣпкимъ на колѣни палъ:
„О святой, Христовъ, Трифонъ мученикъ,
Благъ хранитель мой и порученикъ!
Завтра смерть моя!... завтра казнь моя!...
Защити меня, и спаси меня!“ —
И лишь Трифону палъ—взмолился онъ,
Страстотерпцу лишь поклонился онъ,
Какъ на мѣстѣ томъ, не вставаючи,

Богу душеньку поручаючи,
Опустился онъ, позабылся онъ...
И на травушкѣ на росистой-ли,
На муравушкѣ на душистой-ли,
Во глубокой тутъ погрузился сонъ.

* * *

Ночь кончается, утро близится...
И неожиданное, и чудесное,
Пресвятое-ли и небесное,
Сновидѣніе князю видится!
Небо ширится, разверзается...
Во блистающемъ одѣяніи,
Во божественномъ во сіяніи,
Свѣтозарный мужъ ниспускается:
Я хранитель твой, Трифонъ мученикъ,
Покровитель твой и порученикъ!...
Княже Трифоне!... пробудися ты,
И честнымъ крестомъ осѣнися ты!
Какъ возстанешь ты, на востокъ пойдешь!
Тамъ и сокола не искавъ найдешь!“

VI.

На верху-ль чудеса, на верху-ль небеса,
Превысокія и преславныя!
На землѣ-ль красота, на землѣ-ль лѣпота
Божьи-ль храмы тѣ православныя!

* * *

Подъ Москвой-Москвой, во лѣсу-бору,
На поляночкахъ, на широкіихъ,
Близъ озеръ-прудовъ, близъ глубокіихъ,
Какъ сошлись тутъ, подряжались,
Цѣлый день-деньской надрывались,
Древодѣльнички да работнички,
Обученые стройкѣ плотнички;
Да не даромъ-же и труждалися,
Сильны рученьки измозолили;
Да не даромъ-же и старалися —
Святъ-Господень храмъ, церковь строили.

* * *

Своему-же то покровителю,
Святу ангелу и хранителю,
За небесное-ль избавленіе,
За чудесное-ль заступленіе,
Патрикѣевъ князь храмъ вознесъ-воздвигъ...
Какъ проснулся онъ, въ тотъ-же самый мигъ,
Осѣнясь крестомъ, на востокъ пошелъ:
И въ лѣсу-бору, близъ озеръ-прудовъ,
Въ скоромъ времени, безъ заботъ-тудовъ,
Бѣла речета не искавъ нашелъ.

* * *

Ужъ и счастливъ-же!.. Ужъ и радъ до слезъ!
Взявши сокола къ государю снесъ...

Да и тутъ опять милосердый Богъ,
Паче чаянья, защитилъ—помогъ!
Грозный батюшка, не пѣняючи,
Всю вину-бѣду отпускаючи,
Допустилъ его до своихъ очей,
Удостоивши таковыхъ рѣчей:
„За стараніе и радѣніе —
Угостить сейчасъ прикажу тебя!
А за службу-же, угожденіе —
Шубой съ плечъ моихъ награжу тебя!
Будь отнынѣ ты мой сокольничій!
Знай и вѣдай ты дворъ охотничій!“

* * *

И какъ злая та избылась бѣда,
Мудрый Трифонъ князь далъ обѣтъ тогда,
Въ память ангелу, въ похвалу и честь,
Пятиглавый храмъ возвести-возвестъ;
Тамъ возвестъ его, гдѣ стенаючи,
Свята Трифона умоляючи,
Въ страшный вечеръ тотъ на колѣни палъ,
Гдѣ и сокола бѣглеца поймалъ.

* * *

И воздвигъ онъ храмъ, подъ Москвой, въ
лѣсу,
Поспѣшаючи и радѣючи;
И на стройку ту, на уборъ-красу,

Золотой казны не жалѣючи.
И до сей поры благолѣпный тамъ,
И поднесь стоитъ чудотворный храмъ;
Словно звѣздочка путеводная,
Золоченый крестъ къ небу высится;
А о чудѣ томъ молвь народная
На святой Руси всюду слышится.

* * *

Ну, спасибо-жь вамъ, гусли звонкія,
Гусли звонкія, струны тонкія!
Тонки-ль струночки золоченыя,
Рѣзвы-ль пальчики обученыя!
Ой вы-ль, гусельки, вы яровчаты,
Расходились вы, разгудѣлись вы!
Ой вы-жь, струночки переборчаты,
Раззвенѣлись вы, разгремѣлись вы!
Съ вами, гусельки-самогудочки,
Съ вами, вѣщія, пѣвчи струночки,
Разказали здѣсь, какъ умѣли мы,
Стародавнюю ту-ль былинушку!
Что слыхали мы про старинушку,
Вмѣстѣ съ вами то и пропѣли мы!

Лукьяновскій.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

350

ЦѢНА 25 КОП.

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія: Москва, Савеловскій пер. д. Алексѣевского монастыря, Евгений Григорьевичъ Лукьяновскій.
